

ЕЛЕНА ГОВОР

РУССКИЕ В КВИНСЛЕНДЕ: У ИСТОКОВ

(Продолжение. Начало см. «АМ», №№ 61, 64 на сайте https://www.australianmosaic.com.au/product-category/digital/

Мы продолжаем публикацию глав из новой книги нашего постоянного автора Елены Говор о начальном периоде русской эмиграции в Австралии. В первых главах, посвященных 1909–1910 годам, мы познакомились с переездом в Австралию, первыми впечатлениями эмигрантов о стране, тяжелой работе на строительстве железных дорог и на рубке сахарного тростника и о попытке организовать русское поселение в Валлумбилле. Сейчас перенесемся в Брисбен 1910–1911 годов и посмотрим, как там происходило формирование организаций российских эмигрантов.

СОЮЗ ВЗАИМОПОМОЩИ

В конце 1910 года, когда число новоприбывших русских эмигрантов в Квинсленде приближалось к 400, была основана первая российская организация в этом штате. По счету это была третья русская организация в Австралии, так как в Сиднее русское общество сформировалось уже в мае 1909 года, а в Мельбурне русский клуб основан в сентябре 1910 года. Михаил Гадалов писал: «В июне прошлого [1910] года группой лиц был поднят вопрос об организации здесь Союза взаимопомощи, и на Рождестве собранием этот вопрос был окончательно разрешен в положительном смысле, выработан устав, выбрано правление и приглашен платный секретарь. При посредстве Союза пристроилось несколько человек ремесленников за плату до 11 шиллингов в день. Членов первоначально записалось человек 55 (взнос за полугодие 12 шиллингов), но за устранением некоторых разногласий и ввиду предполагаемой продуктивной работы правления, число членов значительно возрастет»[1]. Президентом клуба выбрали уже знакомого нам Лазаря Калинина, знавшего английский язык и теперь работавшего водителем трамвая в Брисбене, а секретарем — Бернарда Мюнтера, уроженца Эстонии, знавшего несколько языков и иногда помогавшего полиции как переводчик.

На первых порах позиции клуба выглядели настолько умеренными, что Калинин, явно не опасаясь сотрудничества с представителями Российской империи, послал письмо российскому нештатному консулу в Брисбене Бенджамину Макдональду. Информируя его об учреждении «Союза взаимопомощи для россиян», он отмечал, что главной целью Союза будет помощь новоприезжим в подыскании работы по специальности. «Практически все

[1] [Гадалов М.] Русские эмигранты в Австралии // Далекая окраина, 21.08.1911, с. 2. — Подпись: Г-лов.

уроженцы России, живущие в Брисбене и окрестностях, 50–60 человек, вступили в Союз»,— писал Калинин. Планировалось открыть помещение в центре города, и Калинин предлагал консулу направлять русских, нуждавшихся в совете и помощи с трудоустройством, в их Союз. Макдональд, который, кстати, не знал русского языка и относился к русским очень подозрительно, передал информацию Александру Николаевичу Абазе, российскому генеральному консулу, прибывшему в Мельбурн в январе 1911 года. Тот на первых порах предложил Макдональду стать патроном Союза, но вскоре, очевидно осознав растущую роль российских радикалов среди эмиграции, посоветовал ему соблюдать крайнюю осторожность в контактах с Союзом и обратиться к австралийским властям с просьбой о тайном сборе информации о нем, и особенно о президенте и секретаре. Макдональд так и сделал, переслав переписку о Союзе Главному комиссару полиции в Брисбене.

Делом занялся сержант Патрик О'Хара, который станет главным специалистом в брисбенской полиции по русским. В июне 1911 г. он составил детальный отчет, отмечая, что в Союзе около 70 членов — «фермеры, механики и, в основном, рабочий класс», многие живут вне Брисбена. Вступительная плата — 12 шиллингов, а затем 2 шиллинга в месяц, в результате у Союза уже есть фонд 20 фунтов; президент вознаграждения не получает, а секретарь получает жалование около 3 фунтов в месяц, причем с апреля Мюнтер ушел с поста секретаря, находя это вознаграждение недостаточным. Вместо него был выбран уже знакомый нам Николай Дорф, работавший на пристани в Брисбене. Своего помещения у Союза нет, и Союз смог провести только одно общее собрание. Главной целью Союза является помощь с работой эмигрантам, не говорящим по-английски, и это успешно выполняется, однако деятельность Союза, отмечал О'Хара, «не очень энергичная, и между его членами, как кажется, мало согласия». Полицейский заверял консула, что и Калинин, и Мюнтер, и Дорф, и ряд членов Союза, которых он лично знает, пользуются хорошей репутацией и ни в чем предосудительном не замечены[2]. Тем не менее, запрос Абазы стал, как мы скоро увидим, первым толчком к постоянному вниманию полиции к деятельности русских иммигрантов в Брисбене.

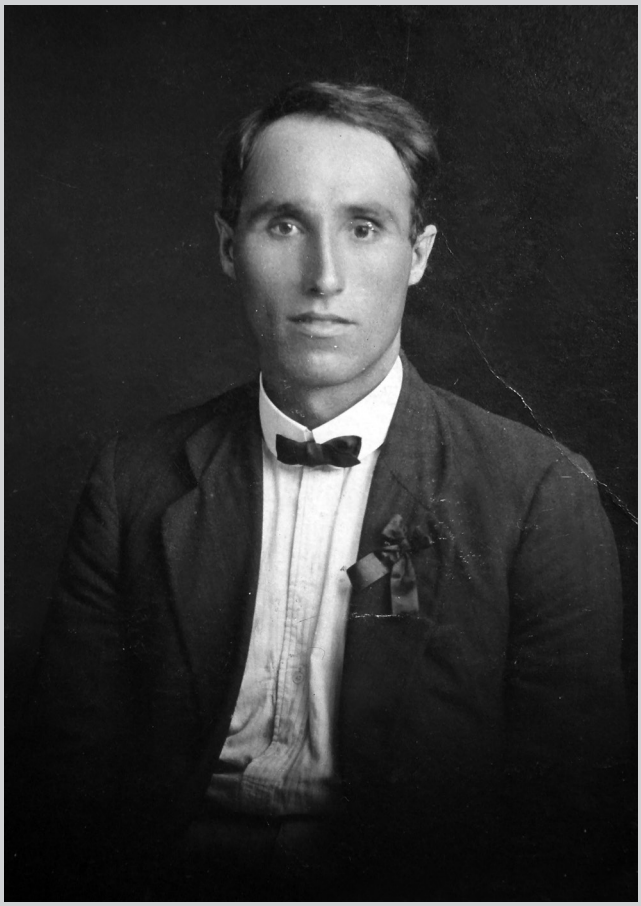
Гадалов также отмечал некоторые противоречия среди членов Союза: «Во главе общества стоят 2–3 человека,— невольных жителей Австралии,— славные ребята. Интеллигентных сил было бы, пожалуй, достаточно, чтобы вести дело такого небольшого общества, если бы они жили дружнее и не грызлись по

Вверху: **Бенджамин Макдональд, внештатный консул России в Квинсленде (Библиотека штата Квинсленд)**
Внизу: **Полицейский инспектор Патрик О'Хара (Библиотека штата Квинсленд)**

[2] Queensland State Archives, Item ID ITM86529.

Политэмигрант Гавриил Иванов (семейный архив)

старой российской привычке. [...] Не особенно давно здесь появился некий Шульт, личность даже по внешности антипатичная, к этому народная молва добавила, что он бывший шпик, невзирая на это, его некоторые метили в секретари и казначеи и когда он подавляющим большинством не прошел, то повел сильную агитацию против Союза и в январе же у приехавшего харбинского рабочего взял для обмена 300 рублей, получил за них 28 фунтов 12 шиллингов и скрылся. Последнее обстоятельство открыло глаза его приверженцам лучше всяких опровержений, и симпатии к обществу возросли»[3]. Активную роль в Союзе на первых порах играл и эсер Гавриил Миронович Иванов, сельский учитель из Балашовского уезда Саратовской губернии, осужденный за пропаганду среди крестьян и бежавший из ссылки на вечное поселение в Енисейской губернии. В марте 1911 г. он писал своему другу: «У нас тут недавно организовался союз Р[уских] Э[мигрантов], в котором я состою членом правления, причем секретарская работа взвалена вся на меня»[4].

Тем не менее газетный репортаж о полугодовом общем собрании Союза, о котором упоминал О'Хара, был написан с большой симпатией и оптимизмом. Прошел он в брисбенском Доме профсоюзов (Trades Hall). В собрании принимали участие около 50–60 человек, включая представителей из Дэлби, Валлумбиллы, Ипсвича, Виннума и других мест. На собрание в качестве гостя был приглашен и Анри Тардан, который, по всей видимости, и дал информацию для печати. Вел собрание Петр Модрак, а Джон Грей исполнял обязанности секретаря. На собрании, которое продолжалось семь часов с перерывом на ланч, велись бурные дискуссии. Более того, репортаж о нем заканчивался мнением «стороннего наблюдателя» (по всей видимости, Тардана), «что по образованию, интеллекту и силе дискуссий эти люди вполне могли бы конкурировать с подобными группами людей любой другой нации». Собрание прежде всего выбрало сотрудников на второе полугодие 1911 г. Президентом стал Петр Вячеславович Вацлав из Харькова. Человек образованный, он был один из немногих русских, которым удалось получить «чистую» работу в Брисбене, где он устроился чертежником. Секретарем и казначеем стал Петр Модрак, а членами комитета плотник Дмитрий Королев из Симбирска, эсер Иван Шведкий из Украины, прибывший вместе с ним Алексей Сережников[5] (в Австралии он жил под именем Иван Пономарев) и Василий Старшинов из-под Казани.

Среди других вопросов, обсуждавшихся на собрании, была помощь забастовке рубщиков сахарного тростника, планы по изданию русской газеты и субсидированный проезд русских эмигрантов с Дальнего Востока. По последнему вопросу было решено обратиться к правительству, аргументируя это тем, что на Дальнем Востоке России и в Харбине есть тысячи превосходных работников, готовых отправиться в Австралию, но их останавливает высокая стоимость билетов[6]. Льготный проезд для иммигрантов существовал, например, из Англии, и именно по такой модели они хотели сделать его и для русских.

Союз взаимопомощи, который русские еще в 1911 г. также называли Союзом Русских Эмигрантов, как и выросшие на его основе организации, в австралийской печати обычно называли Русской ассоциацией. В любом случае организационное оформление россиян вывело восприятие их за пределы чисто

[3] [Гадалов М.] Русские эмигранты в Австралии.

[4] Иванов Г. М. — Казакову П. П., ГАРФ, ДП ОО 1911 д. 12 ч. 69 литера Б. № 10 711

[5] Именно под этой фамилией появилась его первая публикация «Тов. Артем (Сергеев) за работой в Австралии» в «Правде». Затем она перепечатывалась, вероятно, под придуманной фамилией Серешининов.

[6] Russian immigrants. Meeting of Association // Telegraph, Brisbane, 5.07.1911, p. 11.

этнических стереотипов, связанных с толпой русских, сходящих с корабля, на более глобальный, национальный уровень. В «Кэрнс пост», провинциальной газете северного Квинсленда, где и русских-то почти не видели, появилась статья под красноречивым названием «Русские пришли» — парафраз знаменитой фразы-пугалки «Русские идут». «Русские пришли, их присутствие уже чувствуется, и они с самого начала очевидно всем недовольны»,— писал корреспондент газеты из Брисбена вскоре после полугодового собрания ассоциации. Его возмущало предложение русских ввести льготные тарифы на билеты с Дальнего Востока: «Почему жители Квинсленда должны способствовать перевозке сюда иностранцев, многие из которых могут стать причиной беспорядков в будущем?»,— вопрошал он. Нужно не заниматься «русификацией» нашей страны, «а жестко контролировать въезд русских и других народов, которые синонимичны со словами революция и беспорядки», считал он, напрочь отвергая идею, что, прибыв из страны угнетения на солнечные берега Австралии русские превратятся в мирных и счастливых граждан[7].

...Хотелось бы его опровергнуть, ведь действительно, отнюдь не все русские иммигранты станут революционерами, но в целом его предостережение сбылось, и всего через семь лет по Австралии пройдут знаменитые бунты красного флага и последующие за ними репрессии против русских бунтарей. Однако пока, в июле 1911 года, когда Русская ассоциация только начинала свою деятельность, а большевик Артем (Федор Сергеев) с товарищами только высадился на австралийские берега, все еще могло пойти по другому пути.

О первых организационных шагах русской колонии в 1911 году много лет спустя вспоминал один из участников Союза взаимопомощи Василий Пикунов: «Посредством листовок наша организация стремилась знакомить земляков также с последними событиями на родине и условиями местной жизни. Я помню, как несколько соотечественников, проживавших тогда в Брисбене и уже умевших читать по-английски, следили за австралийской прессой, писали листовки от руки и рассылали их туда, где работали русские»[8]. О первых начинаниях рассказывал и Антон Пашинский: «Несмотря на большую разницу в воспитании и образовании членов нашей русской семьи, у всех эмигрантов наблюдается сильное стремление к самообразованию, чтению, ко всевозможным добрым коллективным начинаниям. Только два года тому назад началась тяга русских в Квинсленд и уже организовался кружок взаимопомощи; начала было издаваться еженедельная, печатавшаяся на циклостиле газетка; положено начало основанию библиотеки. Имеется даже русская типография, приобретенная вначале двумя эмигрантами на кооперативных началах, а теперь она принадлежит одному. Недавно собрался на ст. Виннум, возле Брисбена, кружок русских для обсуждения вопроса об издании русской газеты. Все пришли к единогласному решению, что назрела крайняя необходимость в газете и русская колония не может жить без печатного органа. Хотя на этом собрании не было ничего еще сделано окончательно, но все разошлись с твердым намерением изыскать средства для приобретения русского шрифта и начать дело, хотя в меньших размерах сначала, в своей типографии. Короче говоря, идея издания газеты живет среди нас, дорога нам. Вероятно, в недалеком будущем русская колония будет иметь свою газету»[9].

Очевидно, что речь здесь идет о встрече комитета из пяти человек, которые были избраны на собрании Ассоциации для подготовки к изданию газеты. Есть объяснение и причинам их встречи в отдаленном районе Брисбена, на станции Виннум— именно там жил Анри Тардан. В своих воспоминаниях Тардан писал: русские «часто обращались ко мне, и когда решили открыть здесь газету на русском языке, умоляли меня стать ее управляющим директором, но я отказался»[10]. Благодаря Пашинскому теперь стало известно, что у газеты «Эхо Австралии», выходившей в 1912 году и считавшейся первой русской газетой в Австралии, была предшественница — газета, печатавшаяся на циклостиле. Циклостиль, или ротатор, это печатное устройство, позволявшее делать копии с рукописного или машинописного текста вроде современного ксерокса. Конечно, для настоящей газеты необходима была настоящая типография с наборным русским шрифтом. Предпринимателем, осуществившим такое издание в 1912 году, станет Иосиф Давидович Миргородский, еврей из Мелитополя, приехавший в Австралию в августе 1910 года с Дальнего Востока. Пашинский писал о нем: «Один русский эмигрант купил типографию с английским шрифтом. Выполняет мелкие работы: печатает объявления, визитные карточки и проч. Принимаются также

[7] The Russians are here. Discontented crowd. A serious menace // Cairns Post, 13 July 1911, p. 7.

[8] Пикунов В. И. Союз русских рабочих в Австралии // Вопросы истории КПСС, 1960, № 1, с. 167.

[9] Ego. Неделя в Брисбене // Маньчжурская газета, 22.09.1911, с. 2.

[10] Tardent, Jules L. The Swiss-Australian Tardent family history and genealogy. — Southport, Qld., 1982, c. 250.

заказы на изготовление бумажных мешков для магазинов, что тоже служит ему некоторым подспорьем». Вероятно, у Миргородского был небольшой стартовый капитал, т. к. к началу 1911 года он уже значится как владелец бизнеса «Идеальная печать» (Ideal Press), который располагался в самом сердце будущего русского Брисбена, на улице Стэнли, недалеко от пересечения с улицей Рассел. К июню 1911 года у Миргородского уже был писчебумажный магазин, и он продолжал расширять свой бизнес.

Союз взаимопомощи продолжал оказывать содействие новоприбывающим иммигрантам, например, в репортажах австралийских газет нередко упоминается, что на пристани в Пинкеба, наряду с таможенным агентом К. Шульцем, новоприбывших встречал представитель Русской ассоциации Николай Дорф, и они направляли русских в иммиграционное депо. Члены Союза, как вспоминает Пикунов, оказывали иммигрантам «всевозможные мелкие услуги и помогали подыскать работу» [11].

Однако уже на полугодовом собрании Союза в 1911 году стало очевидно, что настроения его участников выходят далеко за рамки задач взаимопомощи, упоминания о расхождениях в позициях его руководителей встречаются в очерках Гадалова и Пашинского, а также в отчете детектива О'Хары. Ефим Матвеевич Куринный, живший в Австралии под именем Петр Путивцев, оставил характерный отзыв о глубинных противоречиях в Союзе: «русские всех оттенков партийных убеждений, и беспартийных, объединявшихся в Союз Русских Эмигрантов, до 1911 года ничего собой не отражали. В этом Союзе были объединены все: интеллигенция, меньшевики, эсеры, максималисты, анархисты (белые и черные). Можно было наблюдать в большинстве представителей рабочих, матросов и солдат. Эта среда и являлась фундаментом русского представительства. Не имея своего правильного вождя, эту массу таскала во все стороны интеллигенция: Калинин [...], Дорф, Модрак, эсер Иванов (по делу Спиридоновой) и т. д. И это был не Союз, а просто «абериловка» [вероятно обираловка. — Е.Г.]. Никакой цели, никаких принципов руководства. Плати членский взнос, получай за деньги газету, работай смирно на тростниковых плантациях, рудниках, на постройках ж[елезных] д[орог]. А интеллигенция безусловно живет в г. Бризбене, за этот счет пьет пивко. Некоторые учились» [12].О неприязни к «интеллигенции» пишет и Иван Пономарев (А. Сережников), активный участник Союза. «До нашего приезда в Австралию [в 1911 году] там существовал так называемый Союз русских эмигрантов. Союз этот и по своему составу, и по многим объективным обстоятельствам, не в состоянии был удовлетворять духовные запросы своих членов, а удовлетворял, главный образом, материальные потребности как своих членов, так и вновь приезжавших эмигрантов. Это обстоятельство глубоко возмущало бывшую там чиновничью интеллигенцию, которая решила распустить Союз рабочих и организовать кружок интеллигенции. Вопрос реорганизации Союза был для них очень важен, так как Союз обладал значительными средствами. В то же время была также и революционная интеллигенция, которая стояла за сохранение рабочего союза. Таким образом, между двумя течениями завязался бой. Все шансы на победу были на стороне интеллигентской группы противников Союза. Дело в том, что ядро этой группы находилось в городе и стояло во главе Союза. Собрать же более или менее многолюдное собрание было очень мало надежды, так как все рабочие были рассеяны по штату. Существенную помощь делу оказал простой случай» [13].

Что это был за случай и как разворачивался бой, мы скоро узнаем, а пока отметим, что под чиновничьей интеллигенцией Пономарев, очевидно, имеет в виду Петра Вацлава, работавшего чертежником, и Лазаря Калинина и Антония Пашинского, занимавших высокие посты до эмиграции в Австралию. Возможно, что не в чести у Пономарева был и Петр Модрак, о котором с большой симпатией писал Пашинский: «Проживает также в Брисбене и первый русский студент Квинслендского университета. Перебивается он, как и большинство нашего российского студенчества, без определенных средств к существованию. Дает уроки английского языка соотечественникам, служит у организовавшегося кружка взаимопомощи секретарем [14] и таким образом сам кормится и помогает вновь прибывающим [15] эмигрантам ориентироваться в чужой стране» [16].

---

[11] Пикунов В. И. Союз русских рабочих в Австралии // Вопросы истории КПСС, 1960, № 1, с. 167.

[12] Куринный Е. Мои воспоминания о тов. Артеме // Центральный государственный архив общественных объединений и украиники (ЦГАООУ), ф. 18, оп. 1, д. 83, л. 1 об. — 2.

[13] Серешининов А. Артем в Австралии // Товарищ Артем: Воспоминания о Федоре Андреевиче Сергееве (Артеме). — 2-е изд. — Харьков: Прапор, 1982. — С. 97.

[14] Доставляет членам кружка разного рода справки, пишет прошения, а главным образом является у них переводчиком. (Прим. Пашинского).

[15] Пожившие в стране (эмигранты) несколько месяцев сами устраивают свои дела, что не так трудно в Австралии при наличности целой уймы правительственных и частных трудовых бюро, унионов и проч. (Прим. Пашинского).

[16] Ego. Неделя в Брисбене // Маньчжурская газета, 22.09.1911, с. 2.

Николай Манович с семьей. Реставрирована Рафаилом Кабо (из архива Флоры Хулихэн)

Лицо старшей дочери Аделины Ксении (третья слева) воссоздано с помощью ИИ Geminy

СВЯЩЕННИК-СОЦИАЛИСТ

...Много лет назад, в Таунсвилле, австралийская аборигенка Флора Хулихэн показывала мне старые фотографии, доставшиеся ей в наследство от ее русского отца, Леандро Ильина[17]. Пятьдесят лет эти фотографии сопровождали ее, немые, и вот теперь я разбирала полустершиеся выцветшие подписи конца XIX — начала XX века. На одной из фотографий была надпись «Глубокоуважаемому Леонарду Николаевичу на добрую память от Николая Мановича, 18 августа 1913 года, Бризбен». «Мне помнится, что он был русским священником»,— сказала Флора. Я недоверчиво вгляделась в пожелтевшее семейное фото — вряд ли русский священник мог оказаться в Австралии в 1913 году, ведь известно, что русская церковь в Австралии ведет свой отсчет с 1923 года, когда «белые» эмигранты построили первый православный храм в Брисбене. Но все же я решила попытаться выяснить, кто же он такой — Николай Манович, друг Леандро Ильина. Оказалось, что память не подвела Флору — Николай Манович действительно был первым русским священником в Австралии.

Современные исследования русской эмиграции отводят церкви определяющее значение в жизни русских общин в сохранении русской идентичности. Существует специальный термин, применяющийся к священникам — окормление, причем часто в жизни русских эмигрантских общин он воспринимается шире, чем чисто духовное окормление. Церковь, во главе с неравнодушным пастырем, становится центром социальной и культурной жизни россиян, живущих в рассеянии. Она помогает организовывать образование детей, учреждать библиотеки, проводить культурные мероприятия, заботиться о престарелых. В немногочисленных исследованиях дореволюционной эмиграции роль церкви либо вообще не упоминается, либо ей отводятся, как кажется, гораздо более ограниченные, чисто религиозные функции. Эти различия в роли церкви связаны с социально-историческими особенностями российской эмиграции. Белая эмиграция, состоявшая преимущественно из лиц среднего и высшего сословия, воспринимала церковь как символ утраченной благополучной царской России, их прошлого, ее неотъемлемую часть.

На примере дореволюционной эмиграции мы можем посмотреть, действительно ли в России накануне революции церковь была плотью и кровью народной жизни, ведь народная вера и обрядность часто выходили за рамки православной доктрины. Надо отметить, что наряду с чисто духовным окормлением, религиозные учреждения в Российской Империи выполняли административные функции — регистрировали крещение, брак и смерть прихожан, препятствуя разводам и межконфессиональным бракам, вели строгий учет посещения прихожанами

[17] О семье аборигенов Ильиных, сохранивших память о своих русских предках, читатели «Австралийской мозаики» знают из моей книги «Мой темнокожий брат», публиковавшейся на страницах журнала.

Илья Репин. Отказ от исповеди (Национальная галерея в Праге)

церкви и исповеди. Любое отступление от формализованной церковной доктрины жестоко каралось государством — достаточно вспомнить отлучение от церкви Льва Толстого, ставшего мировым кумиром именно благодаря своему учению о нравственном образе жизни, который не вписывался в церковную доктрину. Не удивительно, что среди интеллигенции рос интерес к богоискательству и богостроительству, т. е. к менее формализованным формам веры, а то и к атеизму, а народные массы в некоторых регионах увлекались различными сектантскими учениями.

Оказавшись в Австралии, несомненно, многие эмигранты были рады освободиться от тотального контроля государства, с которым на родине они часто сталкивались в лице церковной администрации. И все же, если позиция политических эмигрантов вполне ожидаема, безразличие русских рабочих и крестьян кажется довольно неожиданным. Вероятно, многие из них не без удивления обнаружили, что здесь можно жить без исповеди для галочки, что рождение детей и брак можно регистрировать без участия церкви, а праздники можно отмечать и на австралийский манер. Но были здесь и более глубокие причины — ведь квинслендские российские эмигранты, как мы уже говорили, были дважды переселенцами — первое переселение произошло за несколько лет до эмиграции в Австралию, когда, отправившись в далекую Сибирь, они оставили родные гнезда, где местная церковь была частью бытового уклада, и разорвали связи со старшими членами своей семьи. При втором переселении, в Австралию, уйти из постоянного лона церкви оказывалось еще легче.

В этом свете интересно посмотреть, как на практике проходили в Австралии первые шаги религиозной жизни русской общины. Манович прибыл в Сидней из Канады на корабле «Макура» 4 октября 1909 года, и вскоре Антоний Пашинский писал о нем в «Железнодорожную жизнь»: «Наши соотечественники стремятся в Австралию не только из России, но и из других мест. Проживающие давно в Канаде русские, принадлежащие к „независимой православной церкви", отделившиеся от нашего правительственного Синода 8 лет тому назад (они подчинились греческому епископу) и не имеющие никаких сношений с русским правительством, просили православного священника Мановича поискать в Австралии лучшей земли, нежели та, которую они имеют в Канаде. Приведу выдержки из его письма. „23 [октября 1909 г.][18] Сидней. К соотечественникам единоверцам в Квинсленде. Узнавши о зарождении русской колонии в Квинсленде, спешу, как русский, обратиться к Вам, русские люди, с большою просьбою. Я русский православный священник, приехал недавно из Америки посетить православных в Австралии и поискать земли для русских, проживающих в Канаде. Я прожил в Сиднее

[18] В публикации Пашинского указана дата 23 сентября, но это очевидно опечатка, т. к. не соответствует дате прибытия Мановича в Австралию.

почти три недели, где служил в греческой церкви, а теперь еду в Wellington в Новую Зеландию, где есть много русских, греков и православных арабов. Там же я намерен подыскать удобный участок земли для нескольких русских семейств, которые я хочу переселить из Канады в Австралию, так как в Канаде слишком холодно. Морозы убивают там пшеницу и овощи, а фрукты совершенно не растут в северной части Канады. Я думаю, что найду удобный участок земли в Новой Зеландии, где климат более подходящий для нашего крестьянина средней России, чем в Канаде. Я слышал и читал, что в Квинсленде жарко и частые засухи, и поэтому боюсь поселить там наших земляков. Сообщите пожалуйста много ли русских приехало в Квинсленд? С семействами или одни мужчины? Есть ли между прибывшими интересующиеся православной церковью? Остаюсь с глубоким почтением, священник Николай Манович"» [19].

Здесь характерен вопрос Мановича об «интересующихся» православной церковью, т. е. он a priori не ожидает, что все русские эмигранты только и ждут появления священника! Более того, политический иммигрант Иннокентий Ангарский писал о появлении Мановича в Сиднее без всякого почтения: «Есть здесь „буржуйчики", картежные шулера, народ все денежный, даже поп был русский, „лицо" тоже весьма подозрительное, и, как и подобает со всей этой „компанией", есть и шпионы» [20]. Очевидно, отношения у Мановича с русской общиной в Сиднее не сложились, т. к. в Новой Зеландии, куда он уехал в конце октября 1909 года, он рассказывал журналисту, что «самое трудное для священников на новом месте преодолеть недоверие людей, которые воображают, что эти священники шпионы и агенты русского правительства. Это произошло в Сиднее и с ним самим, хотя он в своих первых проповедях ясно заявил, что не имеет к правительству никакого отношения, а является простым священником, который вынужден был покинуть Россию из-за неправомерного вмешательства государства в дела церкви» [21].

В Новой Зеландии Манович посетил Веллингтон, где провел службу на арабском, греческом и английском языках, а затем Окленд, где в греческой церкви он провел службу на ассирийском, русском и «австрийском» языках. Австрийцами репортер назвал русинов — славянский народ, проживавший в западной Украине, в то время входившей в Австро-Венгерскую Империю. Вернувшись в Австралию, Манович посетил Брисбен, Сидней, Мельбурн и Аделаиду, выясняя возможности для пасторской работы. Между тем он не оставлял и план обосноваться в Новой Зеландии. Неожиданно подходящим местом для православного прихода оказался городок Данидин на юге страны, где жила группа сирийцев и греков. Здесь под руководством Мановича в 1910 году были собраны деньги и в январе 1911 торжественно открыт храм в присутствии новозеландских иерархов церкви. Однако уже через полгода на собрании местного церковного управления Манович выступил, объяснив, что оплата, которую он получает от общины, недостаточна для продолжения его деятельности. После этого он исчезает из новозеландских документов [22].

О том, что же действительно произошло в Данидине мы узнаем из объемистого досье Мановича в Архиве штата Квинсленд. Оно начинается 16 декабря 1911 г. с письма от некоего мистера Хоуэйя из Данидина российскому генеральному консулу в Австралии. Автор письма — член местной православной общины — пишет, что русский священник Николай Манович, приехав в Данидин из Канады, возглавил их общину и организовал строительство церкви, где вел службу. Члены общины обратились к Патриарху Дамасскому с просьбой выслать книги и иконы, упомянув, что у них есть православный священник. В ответ они получили материалы расследования, предпринятого Патриархом, об их священнике. Патриарх сообщал, что по данным, полученным из Канады, США и России, священник Манович нигде не значится, и что их Манович был известен в Канаде под именем Николая Зайцева. Лет 18 назад, писал Патриарх, там появился монах, изгнанный из монастыря за какую-то провинность, который подружился с Зайцевым. Через несколько лет упомянутый монах каким-то образом получил звание Епископа всей Канады, и он-то и возвел Зайцева и еще трех лиц в сан священника. Православный Синод Нью-Йорка и Канады ополчился против новоявленных священников, после чего они основали свой собственный Синод, назвав его Независимые православные Канады. Епископ вскоре был выслан в Россию и арестован. Оставшись один, Зайцев попытался передать свою паству в лоно пресвитерианской церкви и даже получил за это деньги. Когда же этот план не удался, он стал писать статьи и книги, где высказывал свои неортодоксальные взгляды на православие. Подвергшись гонениям со стороны Православного Синода и прихожан, он напечатал в газетах сообщение о смерти Зайцева, а сам объявился в Австралазии под именем Николая Мановича. Узнав, что их священник «ненастоящий», возмущенные прихожане изгнали

[19] Ego. Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 4, с. 14.

[20] [Ангарский И.] — Я. Силину, 3.01.1910 // Архив Якова Силина, собрание Елены Говор, Канберра.

[21] The Greek church. Visit of a Russian priest // Dominion, 1 November 1911, p. 1.

[22] О деятельности Мановича в Новой Зеландии см. Е. В. Рудникова, Русские в ранней истории Новой Зеландии (XIX — начало XX в.), Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2025, с. 280–287.

Николай Манович (третий слева) на освящении православной церкви в Данидине (Фото из «Otago witness», 25.01.1911]

Мановича из Данидина и послали предупреждение о нем в Австралию, в частности в Брисбен, куда он направлялся[23].

В принципе, в многочисленных газетных сообщениях о его деятельности, Манович и не скрывал, что он принадлежит к независимой православной церкви, которая не подчиняется московским церковным властям, и критиковал сращивание церкви и государства в России. Но одно дело церковь, а другое — перемена имени. А тут еще в сентябре 1911 года в Новую Зеландию на корабле прибыли жена и две дочери Мановича, а ведь он говорил прихожанам, что он вдовец... Не удивительно, что данидинские православные были возмущены обманом.

Так кем же был Николай Манович? Из его досье о натурализации в Австралии мы узнаем, что он родился в Смоленске в 1872 году, приехал в Австралию из Канады в 1909 году и был священником[24]. Однако никаких документов, подтверждающих его личность, при натурализации он предоставить не мог. Характерно, что и в свидетельстве о смерти, а он умер в 1925 году, его семья не дала никакой информации о его родителях. Однако, в результате детективной работы с американскими базами данных, американский период его жизни отчасти удается восстановить. Священника Николая Мановича в Америке действительно не существовало. Как мы знаем из жалобы его новозеландских прихожан, там он был известен под фамилией Зайцев. Эта простая русская фамилия в американских документах писалась самым причудливым образом — не только Zaitseff, но и Saitzeff, Zaitzeff и даже Zeiseff и Zoizeff. В Америку он приехал около 1890 года, возможно, что он въехал в Америку под именем Николай Zarief (такое имя носил некий студент, прибывший в 1889 г.). Поселившись в Нью-Йорке, в 1896 году Николай вступил в брак с полькой Анастасией (также использовавшей имя Станислава и Стелла) Вишневской. Их брак был зарегистрирован архимандритом Рафаилом. Это был удивительный человек — православный сириец, получивший образование в России и присланный в Нью-Йорк в 1895 году

[23] QSA, item ID ITM318868, Russians.

[24] Nicholas Manowitch Naturalisation, NAA, A1, 1916/32059.

с православной миссией, где он основал православную церковь. В Нью-Йорке у Николая и Стеллы в 1896–1900 гг. родились три дочери — Ксения-Адель, Александра (умершая в младенчестве) и Эллен, — записанные под фамилией Зайцев. Николай в это время значится разнорабочим, однако в 1903 г. в газете упомянуто, что он настоятель Русской православной церкви на 73 улице Нью-Йорка. Никаких других сведений об этой церкви нет, и кто возвел Зайцева в сан, пока не известно.

Вскоре после этого Зайцев с семьей переезжает в Канаду, в Йорктон, в дебрях канадской провинции Саскачеван, где занимается проповеднической деятельностью. В это время он попадает под влияние Серафима Уствольского, провозгласившего себя митрополитом и основателем новой Православной российской церкви, который сам рукополагал священников, в том числе, очевидно, рукоположил и Зайцева. Церковь преимущественно занималась проповедью православия среди русинов, которые на родине были окатоличены, и имела около 60 тысяч сторонников. Однако, вследствие неадекватного поведения, Серафим утратил доверие многих прихожан, а в 1905 г. Синод Российской Империи отлучил его от церкви. Серафим, в свою очередь, отлучил от своей церкви Зайцева «за выдумку independent-незалежной церкви и самовольной консистории, за вероломство, самоуправство и ослушание своего Владыки» [25]. Зайцев некоторое время продолжал успешно проповедовать среди русинов, вел борьбу с католиками и собирал деньги на строительство церковных храмов, и в канадских газетах появлялись очерки, симпатизирующие его стремлению реформировать православную церковь. В 1909 году неожиданно он пропал во время поездки на поезде в Ванкувер, и его жена сообщила, что получила письмо, из которого следует, что его в поезде отравили и ограбили, забрав имевшиеся у него церковные деньги — 300 долларов (огромную по тем временам сумму). После этого его следы в Америке пропадают, и одно время власти даже объявляют его умершим. Продолжение истории мы уже знаем — под фамилией Манович он садится в Ванкувере на пароход, отбывающий в Австралию. Жене и дочерям удается присоединиться к нему только через два года.

Подводя итоги, надо сказать, что в отличие от Австралии, Америка начала XX века, благодаря своим религиозным свободам и полиэтничному составу населения, была заполонена множеством церквей, сект и проповедников, что явилось реакцией на глубоко институализированные и сросшиеся с государством церкви Старого Света. Вместе с тем, такие религиозные пассионарии, как Серафим или Николай Зайцев, не всегда могли справиться с полной свободой и отсутствием контроля. Но если следы Серафима теряются в дебрях Канады, Николай Зайцев получил второй шанс, появившись на берегах Австралазии с новым именем и новой идентичностью.

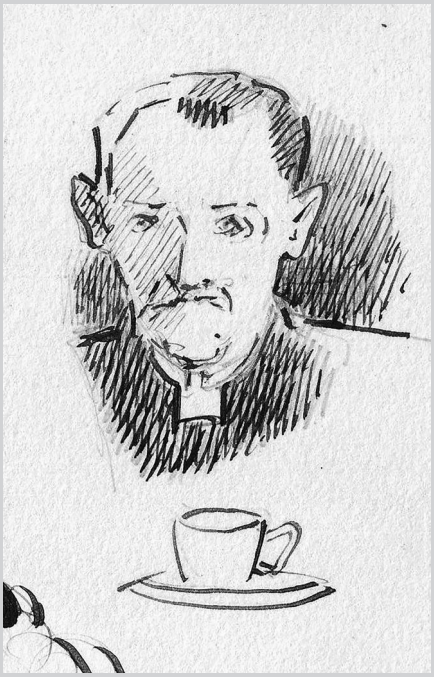
Встретив в Окленде Стеллу с подросшими дочерьми, которые тоже теперь стали Мановичами, Николай в октябре 1911 года прибыл в Брисбен опять начинать новую жизнь. У него уже был опыт церковных контактов в Брисбене — год назад он проводил службу на русском, греческом и арабском языках в двух англиканских храмах — Церкви Святого Луки и часовне Собора Святого Иоанна [26]. Теперь же у него был новый покровитель: представившись священником Русской Греческой Православной Церкви, он обратился к преподобному Уильяму Мейтланду Вудсу, возглавлявшему англиканскую Церковь Святой Мэри на Кенгуру Поинт. Несколько месяцев спустя О'Хара, полицейский, посланный расследовать жалобу данидинцев, писал в своем отчете: «У меня была конфиденциальная беседа с Вудсом, который сообщил мне, что этот человек передал ему устное представление от русской женщины из Новой Зеландии, большого друга г-на Вудса, а также, что этот человек заявил, что ему пришлось покинуть Россию вследствие его социалистических убеждений» [27].

Русская женщина из Новой Зеландии, большой друг Вудса? Ну конечно это была Мария Даниель, которая со своими детьми приехала в Брисбен в 1910 году вместе с семьей Ильиных, а затем поселилась со своей семьей в Крайстчерче на Новой Зеландии. Вскоре после прибытия в Брисбен, она писала в письме сыну: «Вчера у меня был priest из St Mary's Church — которая находится здесь близко от нас на Kangaroo Point. Меня тронула настоящая христианская любовь вообще к человеку, который может быть, нуждается духовно или материально, который, он слышал, иностранец, недавно приехал и никого не знает; priest не сказал мне этого прямо, но деликатно беседовал. [...] Он сказал, что постарается достать мне работу. Затем он разговаривал со мною немного о России, о нашей литературе, школах, о Л. Н. Толстом, которого очень ценит как литературный талант и уважает как личность. Спрашивал об Иоанне Кронштадтском. Я сказала, что о нем самом мало что знаю, но его последователи мне не нравятся, хотя может быть они тоже прикрываются именем Кронштадтского. Priest с хорошими

[25] Православие. Первая всероссийская церковная газета во всей Америке. — 1907. — 1 (14) ноября. Письма святителя Тихона: американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского / сост. А. В. Попов. Санкт-Петербург: Сатисъ, 2010

[26] Greek church service // Brisbane Courier, 14 November 1910, p. 4.

[27] QSA, item ID ITM318868, Russians.

Уильям Вудс, рисунки Марии Даниель (архив Лайлы Рудневой-Макай, Окленд, Новая Зеландия)

серьезными и добрыми глазами довольно хорошо понял все, о чем я говорила»[28]. В ее альбоме сохранилось несколько портретов священника, сделанные в церкви и во время чаепития.

Уильям Мейтланд Вудс (1864–1927), который с таким участием отнесся к Марии Даниель и вскоре сыграет важную роль в жизни русской общины Брисбена, был подвижником христианской идеи, воплощавший служение Богу в повседневную жизнь. Уроженец Лондона и выпускник Оксфорда, он выбрал путь священнослужителя и вскоре получил назначение в Австралию, на остров Четверга в Торресовом проливе. Оттуда он совершал поездки на Кейп-Йорк, к аборигенам. Во время первой поездки в 1891 г. к племени в районе реки Джардин он вместе с ними занялся постройкой большого дома, который защищал бы их от непогоды, работая то под проливным дождем, то по пояс в соленой воде, где они вырубали мангровы. «Мне было очень жаль расставаться с ними,— писал он,— поскольку некоторые из них стали мне настоящими друзьями, особенно один, который был готов скорее упасть от изнеможения, чем позволить мне помочь ему нести тяжелый груз». Близкое знакомство с аборигенами привело его к убеждению, что эти «дикари» имеют такие же чувства, как и белые. В 1903 г. он стал настоятелем церкви Св. Мэри на Кенгуру Поинт в Брисбене, а уже несколько лет спустя возглавил манифестацию канаков (так в Австралии называли островитян Океании), вывезенных сюда для работы на плантациях. Они протестовали против депортации из Австралии, и Вудс добился их приема у губернатора колонии[29].

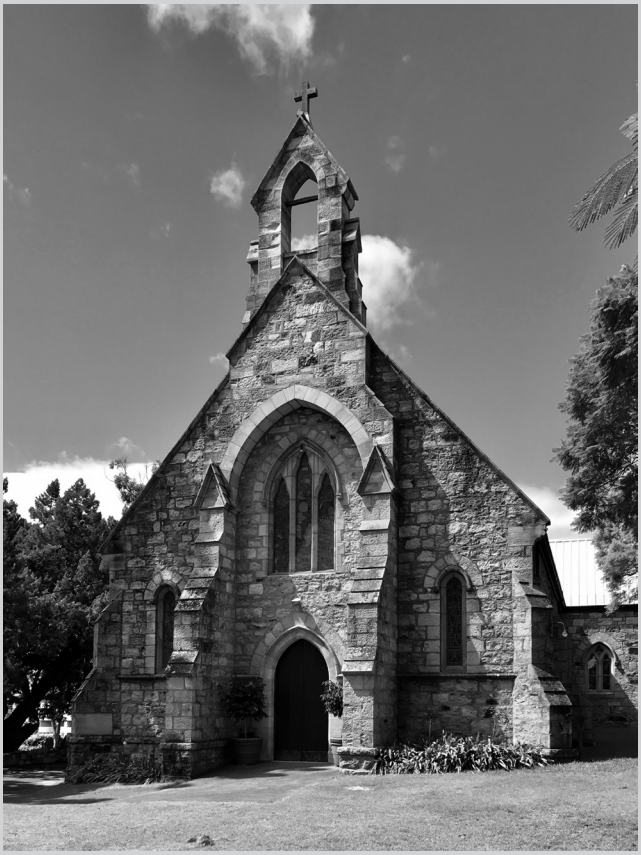
Не удивительно, что Вудс принял и гонимого собрата-священника, русского социалиста Мановича! Он помог ему устроиться на работу в качестве упаковщика на складе торговцев тканями Д. & У. Мюррей в Брисбене. Мановичи сняли дом на улице Меривейл, в самом центре растущей русской колонии в Южном Брисбене, и Николай начал проводить еженедельные службы для русских в помещении школы при церкви Святой Мэри, находящейся по соседству, на Кенгуру Поинт.

СУДЬБОНОСНОЕ РОЖДЕСТВО 1911 ГОДА

Иван Пономарев писал в воспоминаниях, что в конце 1911 года «австралийское федеративное правительство вело переговоры с русской колонией относительно посылки ходоков на север Австралии для устройства там русской колонии. Это обстоятельство заинтересовало всех русских эмигрантов. Делегаты

[28] Мария Даниель — Борису Даниель, 30 сентября 1910 г., архив Лайлы Рудневой-Макай, Окленд, Новая Зеландия.

[29] J. P. Haldane-Stevenson, 'Woods, William Maitland (1864–1927)', Australian Dictionary of Biography, Vol. 12, Melbourne University Press, 1990, с. 566–567; Attempts to civilise the blacks // The Brisbane Courier, 30 March 1891, с. 6; Terrified Kanaks // The Advertiser, Adelaide, 23 July 1907, с. 6.

Церковь Святой Мэри на Кенгуру Поинт

должны были быть избраны всей колонией: поэтому было назначено общее собрание колонистов на Рождество. Публика была широко оповещена, и съехалась вся колония»[30].

Съезд российских иммигрантов в Брисбене на австралийское Рождество с этого, 1911 года, станет традицией, которая будет сохраняться в Квинсленде не один год. О притяжении Брисбена Пашинский писал уже в середине 1911 года: «Работающие в провинции,— "Country", русские эмигранты любят бывать в Брисбене. Стремятся они сюда не только с практическими целями, но и отвести душу, отдохнуть. Правда большинство едет подыскать более соответствующую работу, навести в каком-либо учреждении справку, купить что-нибудь, так как в провинции все хуже и дороже, но и многих привлекает в столицу лишь желание развлечься после мучительного пребывания в глуши, встретиться с товарищами, потолковать о зарождающейся в русской колонии общественной жизни и проч. [...] Теперь в Брисбене всегда ютится несколько десятков человек. Часть их нашла здесь заработок, а большинство из Country, где уже насчитываются сотни русских эмигрантов. В городе удалось устроиться главным образом мастеровым, как то столярам, плотникам, слесарям. Есть и чернорабочие. На улице увидите их с мотыгами и лопатами на ремонте мостовых, на пристани с крючками, при помощи которых перегружаются пароходные грузы, в садах с инструментами, которыми равняются дорожки и удаляются сорные травы. Один устроился кондуктором на трамвае. Интеллигентный труд нашли только два человека — чертежники. Единственный род интеллигентного труда, где не требуется знание языка»[31].

Владимир Наседкин, работавший вместе с Артемом на строительстве железной дороги, вспоминал о тех днях: «Наступил декабрь – самый жаркий месяц в Австралии. Перед Новым годом на всех дорожных стройках работы приостановились. Мы отправились в Брисбен, где была целая улица, заселенная русскими. В этот город к Новому году из многих мест съезжались земляки». «Некоторые из русских в Брисбене имели свои домики на окраине и держали жильцов. Наиболее популярным был дом Степанова, в котором и поселились Артем, я и несколько других товарищей». Дом Михаила и Анастасии Степановых, располагавшийся в сердце «русского Брисбена», на улице Меривейл, служил пансионом для русских иммигрантов. Степанов, по профессии инженер, был из Рязани, а переселился в Австралию с семьей из Харбина, где он, вероятно, работал на железной дороге. Вся их семья, включая шестеро детей-подростков, сочувствовала революционному движению.

Австралийское Рождество, с несколькими праздничными днями, приходившимися на самое жаркое время года и время отпусков, позволяло родственникам и землякам съезжаться вместе на праздники и способствовало всплеску социальной и культурной жизни австралийцев. Русские иммигранты в Квинсленде легко вписались в эту традицию. При отсутствии контроля православной церковной администрации, придерживающейся грегорианского календаря, при котором русское православное Рождество приходилось на 7 января, русские совместили несовместимое — отпраздновали Рождество по австралийскому календарю 25 декабря, но с русской православной службой. Это стало возможным благодаря нашему знакомому — священнику Николаю Мановичу, который 25 декабря 1911 года провел православную службу в церкви Св. Луки[32]. Корреспондент «Брисбенского курьера» сообщал, что службу, на которой присутствовало около 100 православных, «продолжавшуюся три часа», вел отец Манович на английском и сирийском языках, а также

[30] Серешининов, Артем в Австралии, с. 97–98.

[31] Ego. Неделя в Брисбэне // Маньчжурская газета, 22.09.1911, с. 2.

[32] Ее здание ныне — исторический памятник, находится в Сити, на пересечении улиц Шарлотты и Джордж.

Анастасия и Михаил Степановы (NAA)

на двух русских диалектах. Звучали традиционные церковные песнопения. Облачения священника поражали своим великолепием»[33]. Два «диалекта» — это, несомненно, русский, а скорее церковнославянский, и, вероятно, украинский языки, а возможно язык русинов из западной Украины, которым Манович проповедовал в Канаде.

В тот же день русские обратились к другому нашему знакомому — священнику Мейтланду Вудсу с просьбой разрешить им использовать для собрания зал при церкви Св. Мери, расположенной на берегу реки Брисбен на Кенгуру Пойнт, напротив Ботанического сада. Здесь, 26 декабря, и состоялось знаменитое собрание, положившее начало политическому объединению русских в Австралии. Согласно газетному отчету, проходило оно под лозунгом «Свободная Россия в свободном Квинсленде», а учрежденная на нем организация получила название «The Russian Nationalists' Liberation Society», что можно перевести как «Русское народно-освободительное общество» или как «Союз освобождения русского народа». Представители от разных районов Квинсленда были выбраны в своеобразный первый русский парламент для обсуждения целей новой организации. Наряду с борьбой за либерализацию и просвещение правительства России, общество ставило своей задачей помощь российским политическим заключенным, которые ищут «дружественный приют на берегах Австралии»[34].

Корреспондент «Брисбенского курьера» также писал о выборе ходоков для сельскохозяйственной русской колонии на Северной территории, добавляя: «Интерес к этому предмету был столь глубоким и серьезным, что то и дело закипали горячие споры, и только благодаря присутствию более спокойных соотечественников удавалось сдерживать некоторые горячие головы. Большинство мужчин — крепыши, и облик их выдает их крестьянское происхождение. Некоторые похожи на ремесленников или даже студентов, но все они горят желанием трудиться в принявшей их стране»[35].

Увы, корреспондент «Курьера» не смог понять сущность разгоревшегося конфликта. В борьбе, происходившей на собрании русских в Брисбене, как в капле воды отразились страсти, кипевшие в далекой России, страсти, которые достигнут своей кульминации в 1917 году. Пока же, на этом собрании, столкнулись

[33] Russians in Queensland. Celebration of national festival. Nationalists' liberation society formed // Brisbane Courier, 28 December 1911, p. 5.

[34] Russians in Queensland…

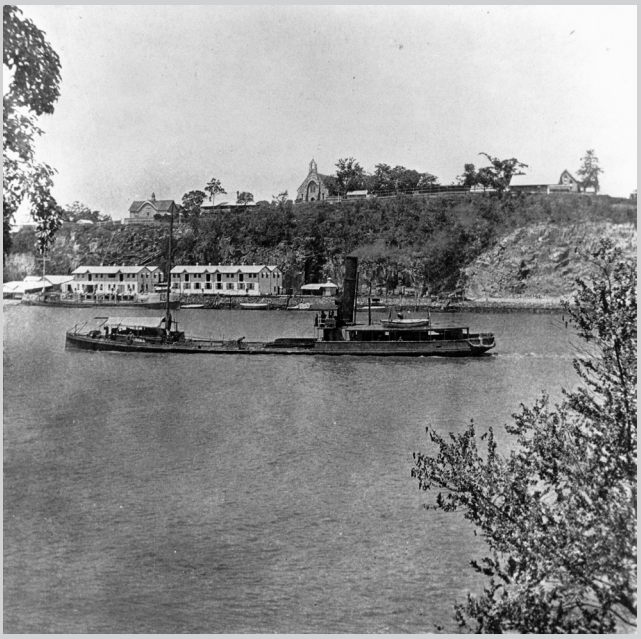
[35] Russians in Queensland…

Церковь Святого Луки, где прошла Рождественская служба 1911 года

два подхода к судьбам русских в Австралии. Одни, как Леандро Ильин, который скоро отправится ходоком на Северную территорию, хотели направить

Кенгуру Поинт, который стал центром русской жизни в Рождественские дни 1911 года

жизнедеятельность общины в конструктивное русло, осуществить с помощью австралийских властей давние чаяния русских крестьян о свободной жизни на своей собственной земле. Другие, возглавляемые революционером-ленинцем Артемом, предпочитали путь радикализации русских иммигрантов, воспитание их в духе пролетарской классовой сознательности и превращения в активных проводников идей марксизма-ленинизма в рабочем движении Австралии. Воспользовавшись собранием, Артем захватил руководство в Союзе взаимопомощи и направил его по пути радикализации и большевизма, а сам Союз отныне получил название Союз русских эмигрантов, а затем, с 1916 года, Союз российских рабочих. В австралийской печати его, впрочем, по-прежнему продолжали называть Русской ассоциацией.

Иван Пономарев описал внутреннюю подоплеку разгоревшихся на собрании страстей. Здесь вначале сошлись два противоборствующих лагеря. С одной стороны, «чиновничья интеллигенция» (по выражению Пономарева), которая хотела заменить Союз взаимопомощи кружком интеллигенции, с другой — «революционная интеллигенция, которая стояла за сохранение рабочего союза». «Колония была осведомлена о заговоре против Союза. Настроение обеих враждебных сторон было нервное. Все ожидали, что вот-вот разразится бой. В президиум собрания были избраны

в большинстве сторонники организации интеллигентского кружка. Вдруг неожиданно на кафедре появился молодой человек в рабочей блузе. Спокойным звучным голосом, простым, понятным для всех языком, логически построенной речью он сразу овладел всей аудиторией. [Это был товарищ Артем]. Он выступил с готовым новым организационным планом и конституцией Союза. Враги Союза были обезоружены, победа была одержана сторонниками его сохранения. Наши противники капитулировали и вышли из Союза»[36].

Петр Путивцев оставил живые, не цензурированные, воспоминания об этом конфликте: «Вот в декабре 1911 года на общем собрании эмигрантов, в президиуме представители интеллигенции, Иванов эсер, Калинин меньшевик, руководят: крутили, крутили; ничего не выходит. Настроение массы озлобленное. Хотят ликвидировать Союз, распустить и жить маленькой семейкой с интеллигентской идеологией (а быть может они учитывали озлобление низов, и думали этим заставить массу их просить). В самый разгар спора в центре собрания поднялся парень (только не в блузе, как пишет тов. Пономарев), а в синем бедном, но чистом костюме, красный галстук, и сам в пылу стремительного натиска красный, тов. Артем. Никто его в это время там не знал. Артем сразу начал стрелять по президиуму (в порядке ведения). Сбил сразу с толку интеллигенцию, выступил с новыми предложениями, новой программой. И массы цепко схватились за т. Артема. Интеллигенция сдалась, даже вышли некоторые из Союза. Артем принял «командование». В другом тексте Путивцев писал еще более драматично: «Свою первую работу [Артем] начал нападением на Союз русских эмигрантов в 1911 г., который был в руках меньшевиков. Появление т. Артема в первый раз на общем собрании русских эмигрантов в Бризбене штата Квинсланда закопало меньшевиков в могилу»[37].

«План, представленный Артемом, был принят без возражений,— писал Пономарев,— так как он очень удачно разрешал вопрос организации Союза. План этот в общем сводился к следующему: на местах организовывались самостоятельные ячейки, входившие в качестве членов в центральный Союз и т. д. Было избрано правление Союза, председателем его был избран Артем, секретарем — я. С того момента мы были скованы узами общей идейной работы по сохранению Союза»[38].

Об этом же выступлении Артема писал и Василий Пикунов: «На этом собрании Артем в горячей речи доказывал необходимость создать организацию российских эмигрантов. Эта организация, говорил он, должна повести культурно-просветительную работу, под влиянием которой каждый мог бы стать сознательным рабочим, хорошо понять свое классовое положение и свой пролетарский долг. Артем старался также объяснить значение и важность для нас профессиональных союзов и призывал каждого русского рабочего присоединяться к существующим в Австралии юнионам, всячески поддерживать их в повседневной борьбе с предпринимателями за улучшение условий труда»[39].

Сам Артем в письме Е. Ф. Мечниковой писал об этих событиях без особых деталей: «Я только что вернулся из Брисбена, где проводил праздники. Как было приятно променять унылую тишину наших лесов на шумное многообразие веселящегося на праздниках города. Зато и обратная перемена городской сутолоки на тихий покой кэмпа дает приятный отдых разбушевавшимся нервам. А нервам была задана-таки изрядная встряска. Дело и развлечение смешалось в одну кучу. Я ни одного раза не имел возможности выспаться вволю; 5 часов сна я считал счастьем. И в конце концов, все мои расчеты, которые я предполагал осуществить после праздников, разлетелись в прах. Я хотел повеселиться немного на Рождество, чтобы потом поработать месяца 3 и уехать поближе к старой Европе. Но мало-помалу я втянулся в дела Русского союза, добился признания большинством моих взглядов на союз, его задачи и тактику и, увы, принужден был взяться за их проведение в жизнь. И все потому, что зрелище неорганизованных масс для меня невыносимо. А что особенно тяжело, так это то, что я взял на свои плечи организацию, а затем и ведение газеты. Этим я привязал себя, может быть, на целый год к Австралии»[40].

На следующий день, 27 декабря, состоялся русско-украинский музыкально-литературный вечер — первый в Австралии такого масштаба. Австралийский корреспондент «Курьера» писал, что все часы перед представлением были посвящены репетициям, что и не удивительно, так как иммигранты, съехавшиеся со всего Квинсленда, не знали друг друга. Вечер начался днем в зале при церкви Святой Мэри на Кенгуру Поинт и шел допоздна. «Огромный зал был переполнен,— вспоминал Наседкин,— а у входа толпилось множество людей, желавших попасть на вечер. Актеры-любители хорошо поставили „Женитьбу» Гоголя. Даже не знавшие русского языка зрители дружно хохотали. Потом играли русские гармонисты, их сменил

[36] Серешининов, Артем в Австралии, с. 98.

[37] Куринный Е. Мои воспоминания о тов. Артеме, ЦГАООУ, ф. 18, оп. 1, д. 83, л. 2, 5.

[38] Серешининов, Артем в Австралии, с. 98.

[39] Пикунов В. И. Союз русских рабочих в Австралии // Вопросы истории КПСС, 1960, № 1, с. 168.

[40] Артем (Ф. А. Сергеев), Статьи, речи, письма. — М.: Политиздат, 1983, с. 97.

Артем (Федор Андреевич Сергеев)

оркестр балалаечников». Корреспондент «Курьера» писал: «Вокальная и инструментальная музыка была восхитительна и красноречиво говорила о природных способностях исполнителей», отмечая слаженность участников и хора, и оркестра. «Оркестр состоял из полудюжины или более гитар, мандолин и русских национальных инструментов, чем-то похожих на мандолину, но имеющих своеобразный треугольный корпус. Они производят прекрасный объемный звук и удивительно мягко сочетаются со звуками гитары и мандолины». Отмечал корреспондент и исполнение «национальных песен — северной и южной России, диалекты которых сильно различались». Наседкин продолжал: «На сцену вышли танцоры, исполнившие русские и украинские пляски. Музыка и танцы захватили австралийцев, громом аплодисментов они наградили исполнителей. А под конец выступил хор. Понеслись слова песни „Сижу за решеткой в темнице сырой"... Как только послышалось мелодичное, грустное пение, зал замер. В песне чувствовалась тоска по воле, и всем слушателям передалась эта тоска великого народа, закованного в цепи...».

Политический аспект не миновал внимания и австралийского корреспондента: «одной из самых приятных особенностей развлечения был монолог под музыкальное сопровождение, описывающий побег из Сибири». Концерт, по мнению корреспондента, завершился исполнением национального гимна, однако, как свидетельствует Наседкин, это был гимн не Российской Империи, а революционной борьбы: «А дальше — словно вихрь ворвался в зал зазвучал клич, зовущий к победной борьбе:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!

Все новые и новые голоса присоединялись к хору:

...С Интернационалом
Воспрянет род людской!..»

«Для нас это был незабываемый вечер, — вспоминал Наседкин, — а буржуазные газеты подняли крик о „русских нигилистах", несущих опасность Австралии. В доме Степанова, где мы остановились, все внимательно слушали, как Артем читал статью. В ней вскользь упоминалось о прекрасном русском искусстве, но автор тут же подчеркивал, что во всех русских лицах есть что-то... монгольское. Это был явный намек на то, что в Австралии нежелательно пребывание русских иммигрантов; в то время местные расисты вели острую кампанию против переселения людей из Азии — китайцев, индусов и других». В действительности, вся корреспонденция о русских праздниках была написана с большой симпатией к русским и русской культуре, однако она действительно содержала сакраментальную фразу о монголах. Отметив наличие двух «диалектов», на которых исполнялись песни, корреспондент продолжал: «На самом деле можно сказать, что жители этих стран почти разных национальностей. Вчера вечером в толпе было легко отличить светлокожего северянина или темноволосого южанина. Однако в одном было явное сходство; практически во всех можно было увидеть следы монгольской крови»[41]. Это отражало смутные познания о географии, царившие в умах австралийцев, но в то же время было ярким свидетельством того, что австралийцы еще в 1911 году заметили присутствие украинцев, как народа, отличного от русских.

Русские от души веселились до поздней ночи на первом в их жизни свободном концерте, а через несколько дней им предстояло разъехаться по всему Квинсленду — в шахты, на строительство железных дорог, на рубку сахарного тростника; но зерно было брошено, и организация начала расти. ■

[41] Russians in Queensland...; Наседкин, 1963, с. 52–53.